

Анна Дашевская

*Тихий маленький
город*

RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
Д21

Дашевская А.

Д21 Тихий маленький город / А. Дашевская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 198 с.

ISBN 978-5-521-90712-0

Гололёд. Поток движения. Выскочившая откуда-то собака. Ты выворачиваешь руль, и твоя жизнь делает такой крутой поворот, который нельзя предугадать.

Анастасия Шахова после развода неожиданно для всех, даже для себя, уезжает из Москвы жить в маленький городок Кириллов. Живёт тихо, продолжает дело местной травницы и знахарки, от которой унаследовала дом, работает фельдшером в местной больнице — обычная серая жизнь. Кому она интересна?

Оказывается, многим.

Начиная со следователя убойного отдела, допрашивающего её по поводу найденного трупа, и заканчивая новой женой её бывшего мужа.

Но это бы всё ничего... вот только по ночам странные вещи происходят в тихом Кириллове, тени сгущаются под старым мостом через овраг, и всё чаще приходится Стасе открывать загадочную тетрадку под коротким названием «Твари»...

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-90712-0

© Дашевская А., текст, 2023
© RUGRAM, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

Часть 1

ЛОДОЧНИК

Положив в корзину последний пучок травы, я разогнулась и потёрла спину.

Да, пора заканчивать: предрассветные сумерки сменились ясным утром. Солнце мне не было видно за высокими деревьями, но оно уже встало, а значит, время сбора травы истекло.

Вот и хорошо. Дома разложу всё, что набрала, пусть сохнет, а сама посплю ещё пару часов, сегодня можно. Первое мая, выходной у всех. Ну, кому Первомай, а кому Белтайн; я вот точно знаю, что травы, собранные сегодня в час перед рассветом, будут особенно сильными. Потому и поднялась в три часа ночи, чтобы в половине четвёртого начать.

Я зевнула, чуть челюсть не вывихнула, и потихоньку пошла вверх по склону оврага.

Вот уже видна крыша моего дома, ещё несколько шагов по дороге — и калитка. Я ещё раз зевнула, потёрла глаза свободной рукой и чуть не упала, споткнувшись... О чью-то ногу? Господи, неужели сюда забрёл какой-то пьяный и улёгся спать в моём боярышнике?

Ох, нет, похоже, всё гораздо хуже...

Мужчина лежал ничком, и на правом боку по его одежде расплывалось кровавое пятно. Похоже, это был удар в печень, а добраться до неё куда легче, чем до сердца, рёбра не защищают. Нужно всего лишь знать, куда бить... Судя по всему, тут бил знаток. Сильное кровотечение, вот след ведёт вниз, к при-

стани, и наверняка есть внутреннее. У лежащего есть шанс, если прошло немного времени.

Я опустилась на колени рядом с телом и приложила пальцы к его горлу — вроде есть пульс? Или нет? Пальцы замёрзли, ничего не чувствую...

Нет, пульса не было.

Поздравляю тебя, Анастасия Александровна, ты нашла труп.

Секунд тридцать я малодушно обдумывала отличную идею немедленно уйти, закрыться дома и лечь спать. Ну, в самом деле: пять утра, первое мая, выходной — кто меня видит? Вдохнула, вытянула из кармана ветровки телефон и ткнула пальцем в номер участкового.

После десятого гудка трубку сняли. Отодвинув аппарат от уха, я переждала поток отборного мата, потом вежливо сказала:

— Доброе утро, Михаил Матвеевич!

— И тебе не хворать, Анастасия! Что случилось?

Я кратко отчиталась, участковый так же кратко ответил:

— ...! Сейчас буду! Скорую вызывай! — и отключился, не прощаясь.

А и в самом деле, чего прощаться, когда вот-вот снова встретимся?

Тарахтение мотоцикла я услышала минут через десять, так что успела занести в дом корзину с травами и поставить в холодную кладовую. Для себя я вынесла из прихожей стул, усеялась поудобнее и даже несколько минут подремала.

Мотоцикл подкатил ко мне. Участковый стянул шлем и спросил:

— Что скорая?

— Едут.

Ближайшая подстанция была в Ростиславле, тридцать семь километров дороги. Нам обоим было известно, что это уже бессмысленно.

— Кто это, не опознала?

— Детективы смотрю по телевизору, Михал Матвейч, знаю, что трогать ничего нельзя.

— А он точно... того?

— Пульса я не нащупала.

— Ну да, ну да, кому и знать, как не тебе...

Михаил Матвеевич обошёл вокруг тела, присел на корточки — с трудом, участковый у нас мужчина немолодой и корпулентный, в теле — осторожно приподнял голову лежащего и заглянул в лицо.

— Плохо дело, Настя, — сказал он, отряхивая руки. — Знаешь, кто это?

— Откуда ж?

— Санька. Санька-лодочник.

Я присвистнула: Александр Бухвостов, перевозивший на своей моторке всех, кому нужно было срочно попасть с правого берега Волги на левый, был известен всему городу неуступчивым характером и строгими принципами. Он не курил, не пил и капли спиртного даже в праздники, и ничего не делал даром.

— Получается, не в драке и не по пьяни его зарезали, так, Михаил Матвеевич?

— Вот именно, Настя, вот именно. Ох, грехи наши тяжкие...

— Пуда полтора, — привычно откликнулась я.

Ну а что? И бабушка моя так говорила, несмотря на высшее художественное образование и тщательно скрываемое дворянское происхождение.

Тем временем участковый набрал короткий номер и вызвал бригаду из убойного отдела. Потом повернулся ко мне и спросил:

— А скажи мне, Настя, что ты тут делала в такое время?

— За травой ходила, — честно ответила я. — Горицвет и цветы кошачьей лапки по росе собирать надо, иначе толку от них не будет.

— Горицвет, значит... Ну-ну...

— Михал Матвеич, а можно, я домой пока пойду? Спать хочется — сил нет.

— Сиди! Ты свидетель.

— Да какой я свидетель? Я находитель! Вы ж знаете, никуда я не денусь, вот я, вот мой дом, вон окошко спальни. Как понадоблюсь, так и позовёте.

Не слушая возражений, я ушла к себе. Легла, не раздеваясь, поверх одеяла, прикрылась пледом и выключилась.

Не знаю уж, что говорил сотрудникам скорой и полицейским наш участковый, но, когда он меня разбудил, было почти восемь часов утра. Чувствовала я себя вполне бодро, так что влезла в кроссовки и вышла на улицу. На нашей улице стояли две машины, полицейский «опель» и частный жигуль-девятка. Тело уже увезли, слава богу — не то чтоб я боялась мертвецов, я в медицинском училась, но лучше пусть они не лежат под моим боярышником.

— Шахова Анастасия Александровна? — спросил молодой человек в штатском.

— Да, это я.

— Оперативно-розыскной отдел, старший лейтенант Сосницкий, паспорт ваш можно попросить? — выпалил он единым духом.

— Попросите, — разрешила я.

Старший лейтенант хмыкнул и исправился:

— Принесите, пожалуйста, ваш паспорт.

Сфотографировал первую страницу, раскрыл на прописке и вздёрнул брови:

— Десять лет прожили в Москве, до этого в Питере были прописаны, а теперь у нас?

— Так получилось, — пожала я плечами.

Не собиралась никому рассказывать, почему получилось именно так, а не иначе. Место жительства выбирала не я, вот почему. Иначе бы и в голову мне не пришло поселиться в городе Кириллове...

* * *

Да, Сосницкий не ошибся, родилась я в Санкт-Петербурге, жила вместе с мамой в старом доме на Кирочной, закончила соседнюю школу и поступила в медицинский. Сама поступила, с первого раза, на бесплатное отделение! А когда сдала сессию за четвёртый курс, в моей жизни, до того момента ровной

и беспечальной, произошло два события: умерла мама, и я познакомилась с Максимом.

Мама сгорела в три дня от неведомой болезни, и медики, мои почти коллеги, так и не смогли установить, что же это было. Во вторник мама пришла домой с работы, она была научным сотрудником Эрмитажа, мы вместе отметили последний сданный мною экзамен, а утром она уже не смогла подняться с постели.

С Максом я столкнулась неделей раньше, выходя после экзамена по хирургическим болезням. Потом я узнала, что он приезжал к нашему ректору, какие-то дела они вместе крутили, а тогда... Он был красивым, с белоснежной улыбкой, и ухаживал красиво, и я уже почти собралась познакомить его с мамой.

Три страшных дня, пока она лежала в Мариинской больнице, а врачи пытались поставить диагноз, Макс был со мной рядом. И не только держал за руку: он оплатил отдельную палату и все платные обследования, привозил какие-то редкие лекарства, звонил и договаривался с клиником в Швейцарии.

Ничего не помогло.

Я была в состоянии ступора, и похоронами тоже занимался Максим. А потом запихнул меня в самолёт и увёз в Москву.

В конце лета мы поженились.

Мы с Максимом прожили вместе десять лет. Всякое было, и хорошее, и плохое, хотя хорошего всё-таки больше. В этой самой нашей жизни было только два «не», но каждое весило как чугунная гиря: у нас не было детей, и я так и не закончила институт. Зато научилась отдыхать на экзотических островах и бродить по тосканским городкам, носить дорогую одежду, вспомнила английский и выучила французский, водила машину — вначале джип, для безопасности, потом Мерседес, потом БМВ.

Вот на БМВ я и попала в аварию.

Ничего удивительного: середина января, снег пополам с дождём и нулевая видимость, дорога как каток... Даже не помню уже, куда я ехала. Тогда казалось, что это очень важное дело, а теперь — не помню. Откуда-то из-за павильона оста-

новки выскочила собака, я автоматически повернула руль, и – здравствуй, столб, прощай, БМВ, привет, кома!

Как выяснилось потом, много позже, никаких внешних или внутренних повреждений на мне не обнаружили. Одна-единственная царапина на левой руке жизни и здоровью явно не угрожала. Тем не менее, в себя я не пришла ни на второй день, ни через неделю, ни через месяц.

С середины января по третье марта я лежала на больничной койке, утыканная иголками и окружённая пищущими и мигающими аппаратами; Макс не пожалел денег, и у меня было всё. Вот только вывести меня из комы не получалось. Да, собственно, никто не знает, как это делать, поскольку никому достоверно не известно, что именно происходит внутри мозга. Этакий чёрный ящик, на вход подали информацию, на выходе получили реакцию, а что внутри? Известно только великому физиологу Павлову, и то потому, что он уже на том свете.

Но я совершенно точно знаю, что все эти полтора месяца я жила чужую жизнь. Нет, не так — я и была этой женщиной, Агнией Николаевной Апраксиной, восьмидесяти шести лет отроду. Вставала утром с её высокой никелированной кровати с высокими столбиками, делала гимнастику, пила травяной чай, проверяла травы и настойки в отдельной комнате, каждый день мыла весь дом, а по пятницам устраивала генеральную уборку.

Господи, да за десять лет жизни с Максом я успела напрочь забыть, как моют полы, ходят за покупками и варят суп, всё это делали домработница и повар!

А ещё очень быстро я узнала, что стала ведьмой.

Это было удобно: ни одна из соседок не смела не то, чтобы спорить с Агнией Николаевной — в спину гадость прошипеть. В эту неизменно прямую, не согнутую годами спину.

Конечно, официально она называлась травницей, и ею была. Сама собирала растения в должное время, сама сушила, перетирала, настаивала, смешивала... Но ещё умела и кровь затворить, и зубную боль снять (стоматолог в городе Кириллове был такой, что лучше утопиться, чем к нему в руки попасть), и роды принять, и сорванную поясницу поправить. Могла